

Анастасия Пиляева

ДОМ, ГДЕ ЖИВЕТ ТЬМА

УДК 82-312.9
ББК 84-445
ПЗ2

ПЗ2 **Пиляева А.**
Дом, где живет тьма / Анастасия Пиляева – М.: Литнет, 2026. – 222 с.

ISBN 978-5-524-01124-4

Она устала. Триста лет апокалипсисов, дворцовых интриг и споров о том, какой оттенок чёрного лучше смотрится на новых знамёнах. Единственное, чего хочет Селина Умбриэль — чтобы её наконец заточили в тёмную темницу и оставили в покое. Он тоже устал. Кассиан Брайтфилд когда-то спасал мир, а теперь разводит розы и мечтает только об одном: чтобы никто не нарушал график полива и не топтал газон. Когда великая тёмная владычица является к нему сдаваться в плен, кажется, что мечты сбываются. У обоих. Но есть одна проблема: Кассиан совершенно не умеет обращаться с теми, кого полагается пытать. И всё идёт не по плану. Совсем. История о том, что плен иногда оказывается уютнее свободы. И что даже у самой тёмной души может появиться шанс на перевоспитание. Если, конечно, она сама этого захочет.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-01124-4

© Литнет, 2026
© А. Пиляева, 2026

Глава 1. Запись, которую я никогда не сделаю в дневнике

Если бы я, Селина Умбриэль, Владычица Тьмы, добровольная пленница в поисках покоя, вела дневник – что, разумеется, полная чушь, потому что дневники ведут сентиментальные дурочки, а не существа моего масштаба, – то сегодняшняя запись выглядела бы примерно так:

День первый (и, надеюсь, последний) моего гениального плана.

Мой Великий и Ужасный План был гениален в своей простоте. Я перечитала его раз сто, пока тряслась в седле по ухабистым дорогам этого скучнейшего королевства, и каждый раз убеждалась: идеально.

Шаг первый: найти самого благородного, скучного и предсказуемого героя в округе.

Кандидат нашёлся быстро. Кассиан Брайтфилд, Победитель Теней, Светоч Долины и прочая, и прочая. О нем говорили как о ходячем уставе: честный до зубного скрежета, принципиальный до занудства и, по слухам, настолько любящий порядок, что в его поместье даже сорняки растут по линейке.

Идеальный тюремщик. Скучный. Предсказуемый. Такой и не заметит, что его пленница на самом деле просто... отдыхает.

Шаг второй: эффектно сдаться ему в плен.

Шаг третий: наслаждаться пожизненным заключением в каменном мешке, где тебя будут кормить с ложки (чтобы не наколдовала чего), но главное – никто не будет дёргать по пустякам.

Никаких внезапных апокалипсисов, никаких жалоб подданных на выгоревшие поля, никаких вечных вопросов «Владычица, а куда делся южный флигель?». Только тишина, покой и, возможно, пара ржавых цепей для антуража.

Я даже наряд подобрала соответствующий: плащ не чинила после стычки с троллями, сапоги вытоптала в ближайшем болотце. Пых на плече, верный мой спутник в этом грандиозном побеге (от собственной жизни), старательно изображал жалкое, побеждённое существо – еле-еле цедил дымок, вместо того чтобы полыхать как положено.

Видок у нас был – загляденье. Прямо хоть на картину «Крах темной владычицы».

Поместье оказалось именно таким, как о нем говорили. Белоснежный особняк с темно-синей черепицей утопал в зелени. Дорожки расходились идеальными лучами. Кусты росли с математической точностью. Даже облака над этим местом, кажется, выстроились в аккуратные кучки.

Я почувствовала, как мой Великий План даёт первую трещину. В таком месте даже тюрьма должна быть... уютной.

Ладно. Не отступать.

Я глубоко вздохнула, собрала остатки бывшего величия и грубо, топорно, безо всякого изящества разорвала его хваленую магическую защиту. Защита взорвалась фейерверком изумрудных искр – сработало как дверной звонок в ад.

Выходи, герой. Твоя вечная слава пришла к тебе в руки. В виде меня.

Я приготовилась. Тело напряглось в ожидании свиста стрел, звона стали, топота стражи. Я даже приоткрыла рот для вступительной речи: «Вы наконец сразили меня, Кассиан! Моя тьма померкла перед вашим светом!»

Из-за угла белоснежного дома вышел... он.

Без доспехов. Без меча. В простой рубашке, мокрый, с полотенцем на шее. И с садовой лейкой в руке. Он сжимал её рукоять с такой нежностью, будто это был не инвентарь, а боевой артефакт.

Мой монолог застрял в горле комом невысказанного пафоса.

Он посмотрел на меня. На Пыха. На дыру в защите. И в его глазах я прочитала не триумф, не ярость, а... лёгкое раздражение. Будто я разбила его любимую вазу.

– Ах, – произнёс он. И в его спокойном голосе не прозвучало ни капли эпического признания. – Вы как раз к чаю.

К чаю.

Эти два слова сокрушили мою оборону эффективнее любой армии светлых.

– Я... – я заставила себя говорить, выдавив остатки драмы. – Я – Селина Умбриэль. Пришла, чтобы сдаться! Мои скитания окончены! Вы... вы наконец сразили меня!

Я гордо выпрямилась. Пых, чувствуя театральность момента, слабо зашипел.

Кассиан вежливо выслушал. Его взгляд опустился к моим сапогам. К комьям грязи, торжественно падающим на его идеально выметенную дорожку.

– Вижу, – сказал он с бездной сочувствия... к своему будущему полу. – Вон там циновка.

Он указал на половичок у двери.

Это был не удар. Это было нечто хуже. Это было равнодушие к моей грандиозной жертве.

– Вы... не собираетесь меня заковать? – спросила я, и в моем голосе прозвучала жалкая надежда.

Он нахмурился, будто я предложила удобрить розы салом.

– Зачем? – искренне удивился он. – Защита своё дело сделала. Вы здесь. Теперь вы гостья. Немного незваная, – он смягчил удар той самой улыбкой, от которой у него появились морщинки вокруг глаз, – но гостья. И, кажется, ваш питомец хочет пить.

Он повернулся и пошёл в дом, не сомневаясь, что я последую.

Я стояла, парализованная крахом всех надежд. Пых сполз с плеча и, предав все идеалы тёмного служения, с любопытством обнюхал ближайшую розу.

– Ноги, – раздалось из дома.

Я посмотрела на циновку. На своё отражение в луже. На дракончика, который уже валялся на спине, подставляя солнышку брюхо.

Я вытерла сапоги. Оставила грязное пятно на идеальном крыльце – своё первое и самое страшное преступление в этом новом мире.

И переступила порог.

Если бы я вела дневник, я бы написала: «Великий план провалился. Меня не заковали, не бросили в темницу, даже не обыскали на предмет артефактов. Меня пригласили на чай. Судя по всему, меня ждёт самое страшное наказание из всех возможных: меня заставят жить.»

Но я не веду дневник. Так что этой записи не существует.

– Из коридора донёсся тяжёлый шаг. Лязг металла.

Я обернулась.

Навстречу вышел высокий, сухой старик с идеально прямой спиной. Седые усы подкручены вверх, мундир вычищен, поперх – нагрудник, начищенный до зеркального блеска. Меч в ножнах – под правильным углом.

Он окинул меня взглядом профессионала. Отметил дыру в защите. Пыха. Грязь на сапогах. Перевёл взгляд на Кассиана. Лёгкое движение бровью: «Свой?»

Кассиан кивнул.

Старик расслабился ровно настолько, чтобы убрать руку с рукояти.

– Леди, – голос сухой, чёткий, без старческой дрожи. – Добро пожаловать. Прошу прощения за встречу. Доспех надел на всякий случай. Мало ли, кто ломится.

Он протянул руку. Не для рукопожатия – чтобы принять плащ.

– Позвольте. Я только пол помыл. Марта будет ругаться, если увидит грязь.

Я моргнула. Два раза. Этот человек только что оценил меня как угрозу, отпрапортовал и предложил снять плащ – и все за десять секунд.

Кассиан вздохнул.

– Корвин, это леди Селина. Она будет у нас... гостить.

– Так точно. – Старик принял плащ, повесил на крючок. Рядом с запасным наплечником. – Чай я заварил. Марта пирог достаёт. Будут гости – предупреждай заранее. Я бы хоть мундир парадный надел.

– Ты в доспехах, Корвин.

– Мундир под доспехами, – невозмутимо ответил тот. – Устав предписывает.

Он развернулся и ушёл. Шаг, шаг, шаг – идеальный строевой. Я посмотрела на Кассиана.

– Это...

– Корвин. Мой наставник. С детства. И... да, он всегда такой.

– Он в доспехах. В доме.

– Он считает, что враг может напасть в любой момент.

– И давно?

– Лет сорок. Привыкнете.

Пых на моем плече восхищённо фыркнул.

Запах свежего хлеба и ванили обволакивал, парализуя волю. Кассиан жестом пригласил в гостиную, где на столике уже дымился чай.

– Всё пропало, – прошептала я. – Он даже заточить меня нормально не сможет.

Пых, вбежавший следом, улёгся на солнечном зайчике с видом полнейшего блаженства.

Кассиан поставил передо мной чашку.

– Так, леди Селина, – сказал он деловым тоном. – Раз уж вы сдались... с чего планируете начать?

Я уставилась на него. На чай. На дракончика, уже похрапывающего в луче света.

Мой Великий План был мёртв.

Пора было импровизировать.

Из кухни донеслось:

– Корвин, сними доспехи за столом, я кому сказала! И наплечник протри, ты его в чай макнул!

– Так точно, Марта. Уже снимаю.

– И пирог неси, остынет!

Кассиан прикрыл глаза.

– А это Марта, – сказал он устало. – Кухарка. Она... тоже будет ругаться. Но пироги у неё – легендарные.

Я взяла чашку.

Если бы я вела дневник, я бы написала: «Кажется, я начинаю понимать, почему этот дом пахнет домом. Не магией, не защитой – пирогами. И это самое опасное оружие из всех, что я встречала.»

Но я не веду дневник.

Так что и этой записи не существует.

Глава 2. Кассиан Брайтфилд. Герой на заслуженном отдыхе

Кассиан Брайтфилд не вёл дневников уже лет десять. Но если бы вёл, запись на сегодня выглядела бы так:

Рассвет.

Полил голубику. Северный рубеж защиты дал слабину – поправил, вплетя пару новых рун стабильности.

Завтрак.

Обнаружил в розарии следы мелкого эфирного паразита. Обезвредил распылением раствора лунной пыли с розмарином.

Написал письмо в Столичную Магическую Инспекцию касательно новых ограничений на удобрения с эльфийских рынков.

Поймал на пороге дома, судя по силе разрыва защиты, либо сонного архидемона, либо очень несчастного и очень могущественного мага. Оказалось – Селина Умбриэль. Накормил, напоил чаем. Дракончик линяет искрами на голубой ковёр. Проблема.

Он стоял у плиты, механически помешивая в котле дымящийся травяной отвар (ромашка, мята, щепотка корня валерианы для нервной системы), и его разум, обычно ясный и упорядоченный как план огорода, был подобен вспаханному полю после урагана.

Умбриэль.

Имя жгло память. Не из пыльных хроник. Из живой памяти. Десять лет назад, на Скалах Падения, где небо срасталось с чёрным камнем, он видел тень её власти. Тогда его отряд шёл на штурм цитадели её маршала. Они не дошли. Сама земля содрогнулась, и из расщелин выполз мрак, сжирающий свет заклинаний. Они отступили. Её лик, сложенный из теней и звёздной пыли, на мгновение возник на стене тумана. Никакой личной злобы. Просто безразличие ледника, движущегося на муравейник.

Он, Кассиан, тогда был молод, полон огня и веры в победу Света. Он выжил. Повзрослел. Понял, что самая прочная победа – не сокрушить тьму, а вырастить свой светлый, упорядоченный сад и защитить его.

И теперь эта самая тьма сидела в его столовой, крошила его песочное печенье и смотрела на чай, будто это была последняя отравы в мире.

Что она замышляет?

1. Тактический ход. Его поместье стоит на Узле Силы. Старая, почти забытая легенда. Что, если она пришла не сдаваться, а пробудить его?

2. Психический коллапс. Магия такой мощи сжигает разум. Возможно, она – пустая оболочка, в которой бушуют отголоски былых заклинаний. Опасная, хрупкая, как перегретый кристалл.

3. Она сказала правду. И это был самый страшный вариант. Потому что если Умбриэль устала и сдалась... то равновесие мира пошатнулось. Куда денется её нерастроченная мощь? Кто придёт за её «наследством»?

4. Корвин. Он уже её видел. Успел оценить. Если старый вояка, прошедший со мной полжизни, решит, что она опасна, – он не успокоится, пока не придумает план обороны. А если решит, что она «своя»... Корвин с его доспехами и военной прямоотой – отдельный фактор хаоса. Нужно будет проследить, чтобы он не начал учить её строевому шагу.

В руке он сжимал не меч, а деревянную ложку. Его оружие теперь – тёплый пол, правильный распорядок дня и убойная доза травяного успокоительного.

Он налил отвар в кружку, капнул мёда (местного, с луговых цветов, обладающего мягкими свойствами очищения астрального плана) и понёс обратно.